

1830—1831.

Л и т в и н к а .

1.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей,
Кого хранить онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шепотъ и веселья кликъ?..
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспаривать не смѣлъ
Еще никто,—онъ больше не хотѣлъ.
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не постигалъ состѣдей никогда,
Богатый въ мѣрѣ, славный на войнѣ;
Когда къ нему являлися онъ [и],
Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
Презрѣниемъ дышалъ его отвѣтъ:
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть-можетъ, самъ того не зналъ,—
Не потому-ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпѣ былъ приученъ?

2.

На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою..
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,
И часто стоялъ войска онъ одинъ..
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ,—литовской сабли слѣдъ.

3.

Разъ, возвратясь домой съ полей войны,
Онъ не прикалъ къ устамъ уста жены;
Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберегъ
Ни жемчуга, ни золотыхъ серегъ..
И, возвратясь въ отцовскій старый домъ,
Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ
Онъ не хотѣлъ рассказывать женѣ;
И, въ часъ свиданья, радости слеза
Хоть оросила нѣжные глаза,
Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
Страданія слезою ужъ была..
Онъ измѣнилъ ей... Что святой обрядъ

Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
Какъ путники небесны—облака,
Свободно сердце и любовь легка...

4.

Два дня прошло, и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней
Въ монастырь, далеко отъ людей
(И потому поближе къ небесамъ);
Ихъ жизнь—одна молитва будетъ тамъ.
Но женщины обманутой душа,
Для свѣта умертвяся, не имѣ дыша,
Могла-ль забыть того, кто столько лѣтъ
Одинъ былъ для нея и жизни и свѣтъ?
Онъ измѣнилъ, увѣ! Но потому
Ужель ей должно измѣнить ему?..
Печаль несчастной жертвы и законъ—
Все презиралъ для новой страсти онъ
Для плѣнницы, литвинки молодой,
Для гордой дѣвы изъ земли чужой.
Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
Изъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
На жертву принести жену, дѣтей,
Отчизну, душу, все—въ угодность ей.

5.

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользятъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело
Его любви достойно. Наконецъ
Оставивъ онъ долину, и вѣнецъ
Горы высокой—теремъ—озарилъ,
И пламень свой негнѣющій разлилъ
По стекламъ росписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
Облокотясь на столики, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадою сынъ ее (ея)
Чуть поднималъ отцовское копьё..
Теперь гдѣ сынъ и мать?.. На мѣстѣ ихъ кой
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ;
Безмолвная подруга лучшихъ дней—
Разстроенная лютия—передъ ней,
И, по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя..
Устала Клара отъ душевныхъ бурь,
И очи голубыя, какъ лазурь,
Она сидитъ, на западъ устремивъ;